

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ КАК СПОСОБ МЫШЛЕНИЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ПРАКТИКА

М. Д. Иванова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

monostorax@gmail.com;

науч. рук – С. В. Воробьева, канд. филос. наук, доц.

В статье раскрывается тема эпистемологического конструктивизма как ментальной практики. Ее актуальность обусловлена когнитивным поворотом в конструктивистской методологии. Объектом исследования выступает эпистемологический конструктивизм. Цель исследования – раскрыть сущность эпистемологического конструктивизма как способа мышления и дискурсивной практики. Ценность результатов исследования состоит в выявлении сущностных аспектов эпистемологического конструктивизма. Как способ мышления он подразумевает наличие когнитивного инструментария для производства личностных конструктов, как дискурсивная практика – представляет собой контекст, в котором реализуются конструктивистские аспекты «Я», поддерживаемые ресурсами языка. Практическое значение полученных результатов определяется их применимостью в гуманитарных и когнитивных науках.

Ключевые слова: эпистемологический конструктивизм; способ мышления; повседневный язык; дискурсивные практики; конструктивистские аспекты «Я».

Особую нишу в социально-гуманитарных и когнитивных науках в конце XX – начале XXI в. занимает конструктивистское направление в эпистемологии [1–5]. Основные темы в нем связаны с изучением мышления и дискурсивных практик с точки зрения их конструктивистских возможностей и ресурсов в формировании механизмов самоидентификации [6; 7]. Исходя из этого, цель доклада заключается в раскрытии сущности эпистемологического конструктивизма как способа мышления и дискурсивной практики.

Конструктивистская методология разрабатывалась в контексте коммуникативного поворота в логике и философии. Обращение к языку, пространству и времени позволило позитивизму разработать новую эпистемологию данности мира человеку. Когнитивный подход в конструктивистской методологии строится на интуитивистском допущении о незавершенности состояний и процессов и позитивистском допущении о необходимости формализации языкового синкретизма мысли, чувства и действия [2, с. 33]. Реальность в конструктивизме трактуется как открытая динамическая система, источником активности в которой выступает субъект. Система способна развиваться в разных направлениях в соответствии с проектно-конструктивными отношениями с миром на основе смысловых интерпретаций, которые осуществляет субъект, опираясь на базовые когнитивные способности предметного конструирования. Это

значит, что конструктивистское познание мира является субъективным процессом, а не процессом объективации мира.

В этом субъективном процессе мы выделяем две составные части – конструктивизм как способ мышления и как дискурсивную практику. Такое разделение рождает критические вопросы: насколько они могут существовать автономно? Насколько они обуславливают друг друга? Предварительно можно констатировать тот факт, что ответы на них связаны с противостоянием двух идей, в которых отражены разные векторы развития личности: что является ведущим в этом процессе: развитие изнутри, зависимое от ментальности, или развитие извне под влиянием социально-культурного контекста?

В эпистемологическом конструктивизме сознание выступает структурирующей силой, через действие которой человеку дан мир [1, с. 8]. Способы данности мира зависят от конструктивной силы языка, особенностей понимания действительности, по поводу которой разворачиваются мышление, деятельность. Конструктивизм как стиль и практика восходит к способам мышления и деятельности человека, т.е. фундаментальных факторов его жизни. Рационально выверенные решения, элиминирующие лишнее или несущественное, в результате многократных повторений превращались в социально-культурные архетипы. Таким способом мышление и деятельность становились стандартизированными в пределах определенной культуры.

Эпистемологический конструктивизм как способ мышления подразумевает проективные ментальные способности, обусловленные семантическими и прагматическими особенностями языка и диапазоном ментальных операций. И.А. Герасимова обращает внимание на стиль мышления в контексте понимания другой культуры [3]. Она подчеркивает, что «первое знакомство западноевропейского научного мира с китайской культурой, строем языка и спецификой мышления сопровождалось проецированием европейцами собственного менталитета на китайский менталитет». В результате такого проецирования «китайцам отказывали в существовании логики, а тем самым и в логической рациональности». При этом не принималось в расчет, что логическая рациональность «мыслилась как критерий рефлексивного научного теоретизирования» [3, с. 128]. Поэтому стилеобразующие признаки способов мышления в широком смысле стихийно складываются в контексте культуры, предопределяя модели понимания и объяснения действительности. Это находит отражение в категории меры, устанавливающей границы объективности и субъективности и намечающей тенденции к дискретизации и условности (релятивности) мира. Способы дискретизации определяют принятые в культуре пере-

ходы от образно-континуальных представлений к представлениям знаково-символическим, языковым. Способы условности мира позволяют фиксировать его абсолютность и относительность. В истории логики стилеобразующими признаками западного мышления была абсолютность формы и относительность содержания, восточного – наоборот. Вследствие этого западная логика стала моделью непротиворечивого мышления, восточная – моделью мышления противоречивого [8, с. 18–23, 40].

Эпистемологический конструктивизм как дискурсивная практика содержательно предопределен языком, что влияет на процесс формирования идентификационных механизмов, например, на сетевую самоидентификацию, которая зависима от диалектического контекста экстерриториальности и территориальности [6, с. 41], от практик номадизма [7, с. 122]. Это означает, что язык предопределяет ресурсы социальной эпистемологии. В частности, П. Вайль указал, каким образом использование языка в практике переформатирует смысл слов. Он пишет следующее: «Когда-то компартия называлась "ум, честь и совесть нашей эпохи". <...> Сходным образом теперь слова "любовь", "преданность", "верность", "надежность", "чувствительность" разошлись на подгузники и стиральные порошки. Высокие и красивые слова попадают в несуразную компанию», выпадая «из нормального языкового обихода» [цит. по: 9, с.152].

О.С. Иссерс определяет дискурсивную практику как наблюдаемую реальность [10, с. 227]. Ее как разновидность социально-культурной практики отличают два аспекта. В ней, во-первых, «реализованы проективно-конструктивные позиции человека по отношению к реальности» [1, с. 88], во-вторых, – различимы три конструктивистских аспекта Я: как центр познания; как самость; как презентация себя [4, с. 133]. Дискурсивные практики являются местом конструирования, например, авторитетности в академическом общении посредством чтения научного доклада или имиджа эксперта, участвующего в обсуждении доклада [11, с. 64–89]. Особое значение имеет конструирование индивидуальной и совместной траектории в диалоге [2] и образа «чужих» в дискурсивных практиках политической коммуникации [11, с. 90–126]

Таким образом, в эпистемологическом конструктивизме следует различать два сущностных аспекта, которые являются двойственными, взаимно обусловленными. Первый аспект – конструктивизм как способ мышления – подразумевает наличие когнитивного инструментария для производства личностных конструктов. Личностный конструктивизм предполагает социально-культурные основания в форме всевозможных практик. Второй аспект связан с ними как контекстуальными местами, в которых реализуются конструктивистские аспекты «Я», поддерживаемые ресурсами языка дискурсивных практик.

Библиографические ссылки

1. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3–37.
2. Воробьева, С.В. Диалог культур как способ конструктивного мышления в условиях неопределенности / С.В. Воробьева // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук: Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции / под ред. А.В. Немчиновой. – М.: Изд-во «Перо»; Вольск: Тип. ВВИМО, 2019. – № 13 (64). – Ч. 3. Актуальные проблемы философии. – С. 32–36.
3. Герасимова, И.А. Конструктивизм как логический стиль и проблема китайской логики / И.А. Герасимова // Философский журнал. – 2016. – Т. 9. – № 4. – С. 128–146.
4. Труфанова, Е.О. Проблема Я в конструктивизме / Е.О. Труфанова // Конструктивизм в теории познания [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 133–148.
5. Фарман, И.П. Конструктивизм как метод и социально-культурная практика / И.П. Фарман // Конструктивизм в теории познания [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 89–102.
6. Воробьева, С.В. Сетевая идентичность и социальная эпистемология: диалектика экстерриториальности и территориальности / С.В. Воробьева // Женщины-ученые Беларуси и России: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 26 марта 2021 г./БГУ. – Минск: БГУ, 2021. – С. 41–48.
7. Воробьева, С.В. Цифровая идентичность в сетевом обществе: практики номадизма и пограничные состояния / С.В. Воробьева // Феномен границы в глобализирующемся мире: сборник научных статей / Витеб. гос. ун-т. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2020. – С.121–124.
8. История логики: учебное пособие / В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, С.В. Воробьева и др. – Минск: Новое Знание, 2001. – 170 с.
9. Архангельский, А.Н. Важнее, чем политика / А.Н. Архангельский. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 316 с.
10. Иссерс, О.С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность / О.С. Иссерс // Вестник Омского университета. – Филология. – 2011. – № 4. – С. 227–232.
11. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / науч. ред Л.В. Куликовой. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – 182 с.